

УДК 821.161.1'27-95''19-20''

**ЭЛИТАРНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ:
ОПЫТ МОДЕЛИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ
РУССКОГО ЭПИСТОЛЯРИЯ XX–XXI ВВ.)**

А.В. Курьянович

Томский государственный педагогический университет

E-mail: kurjanovich.anna@rambler.ru

Курьянович Анна Владимировна, д-р филол. наук, доцент кафедры современного русского языка и стилистики историко-филологического факультета Томского государственного педагогического университета.

E-mail:

kurjanovich.anna@rambler.ru

Область научных интересов: функциональная и коммуникативная стилистика текста, теория эпистолярного текста и эпистолярного дискурса, лингвоперсонология, психология речевого общения, юрислингвистика.

Исследование выполнено в рамках лингвоперсонологического и дискурсоориентированного подходов с опорой на последние достижения в области функциональной и коммуникативной стилистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, жанроведения и прагмалингвистики. В качестве эмпирической базы выступают частные письма представителей русской творческой интеллигенции – художника, оперного певца, композитора, патриарха, поэтов, публицистов, ученых, актеров, в большинстве своем не изученные в лингвистическом отношении. Работу отличает динамический аспект рассмотрения заявленной проблематики на протяжении значительного исторического периода – XX–XXI вв. Сказанное определяет актуальность статьи. Цель исследования – создание инварианта языковой личности, принадлежащей элитарному типу речевой культуры. В связи с этим используются такие методы, как прием моделирования, комму-

никативно-прагматический и сопоставительный анализ. В результате осуществленного исследования на основе определенных дискурсивных параметров создана модельная элитарная языковая личность, особенности коммуникативного поведения которой эксплицируются в конкретных ситуациях личностно ориентированного эпистолярного общения. В качестве вывода приводится перечень инвариантных свойств обозначенного типа языковой личности: рефлексивность сознания, особенно заметная в ситуациях осмысления роли творца в социуме, высокий уровень коммуникативной компетентности и риторического мастерства, открытость дискурсивных проявлений.

Ключевые слова:

Языковая личность, элитарная языковая личность, эпистолярный дискурс, эпистолярные коммуникативные универсалии, моделирование, русская интеллигенция.

*Человеческая личность и, следовательно, каждый единичный человек,
есть возможность для осуществления неограниченной действительности,
или особая форма бесконечного содержания.*

В.С. Соловьев. Оправдание добра

*Модель есть воплощение определенной структуры
на том или ином материале, в том или ином субстрате.*
А.Ф. Лосев. Введение в общую теорию языковых моделей

В современной лингвистике, антропоцентрической по своей характеристике, известны различные подходы к изучению *языковой личности* (далее – ЯЛ), определяющие статус существования последней в рамках *лингвоперсонологии* (см. исследования Г.И. Богина, А.А. Ворожбитовой, Н.Д. Голева, В.Е. Гольдина, Е.В. Иванцовой, Ю.Н. Караулова, В.П. Нерознака, К.Ф. Седова, О.Б. Сиротининой и др.). Общая суть, к которой сводится содержание основных современных представлений о наполнении ключевого термина, состоит в рассмотрении в качестве ЯЛ человека, владеющего языком и использующего его как средство

формирования и выражения мыслей для достижения определенных целей в разных сферах коммуникации.

К настоящему моменту развития антропологической лингвистики уже много сделано в плане изучения индивидуальных и коллективных речевых портретов ЯЛ, рассматриваемых в свете возрастных, гендерных, профессиональных, социальных, культурно-исторических, этнопсихологических и других аспектов. Исследователями предложены многочисленные концепции, осмысляющие с разных сторон феномен ЯЛ и вопросы ее типологии, построенные на основании различных критериев.

ЯЛ изначально зародилась и постоянно существует в пространстве культуры, следовательно, чрезвычайно актуальной является проблема ее описания с точки зрения отнесенности к определенному типу речевой культуры (В.Е. Гольдин, И.А. Иванчук, Л.П. Крысин, Г.П. Нешименко, О.Б. Сиротинина, Н.И. Толстой и др.). В основе понятия *речевая культура* лежит представление о сущности языка как способе отражения картины мира нации. Языковое сознание носителей разных речевых культур отличается степенью развития и, как следствие, «своим» набором когнитивных структур и шире – концептуальных систем, обуславливающих особенности их мировидения и совокупности ценностных ориентиров. В вопросе типологизации ЯЛ в аспекте принадлежности определенному типу речевой культуры наиболее обоснованной видится точка зрения В.Е. Гольдина и О.Б. Сиротининой. Ученые выделяют *элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный (литературно-жаргонизирующий), фамильно-разговорный (обиходный)* типы речевой культуры [1]. Несмотря на бесспорную значимость в контексте лингвоперсоналогических исследований многоаспектного изучения всех обозначенных типов ЯЛ, стоит акцентировать мысль о том, что риторика в своих ценностных рекомендациях всегда опиралась на элитарную культуру. Следовательно, вопрос об особенностях речевого поведения *элитарной языковой личности* (далее – ЭЯЛ), проявляемых в дискурсивных практиках разной жанрово-стилевой направленности, осмысливается как наиболее значимый и своевременный.

В научной литературе последних лет складывается традиция комплексного изучения носителя элитарной речевой культуры в разного рода дискурсах (С.И. Виноградов, А.А. Ворожбитова, В.В. Дружинина, Е.А. Земская, И.А. Иванчук, Ю.Н. Караулов, Т.В. Кочеткова, Л.П. Крысин, Т.В. Романова, О.Б. Сиротинина и др.), а также предпринимаются попытки осмысления феномена ЭЯЛ в научно-теоретическом плане (Г.Г. Инфантова, И.С. Карабулатова и др.). Ученые едины во мнении: носителями языка данного типа в совершенстве освоен культурно-исторический опыт своего народа, в речевом поведении они придерживаются большей степени строгости следования «культурной рамке общения» (С.И. Виноградов).

ЭЯЛ свободно владеют кодифицированными языковыми, этическими, коммуникативно-прагматическими и риторическими нормами литературного языка, целесообразно и творчески используют возможности функциональных стилей, речевых жанров, специфических свойств устной и письменной форм речи. Данный тип речевой культуры «наблюдается среди людей с высшим образованием» и «самым высоким уровнем общей культуры» [2. С. 344]. Овладению элитарным типом речевой культуры способствуют особенности воспитания и обучения, характер профессиональной деятельности, «требующей социальной активности и много-рольности» [Там же. С. 344]. Главная составляющая в психологическом портрете ЭЯЛ – это абсолютная степень свободы, характерная для данного типа личностей и реализуемая ими в плане своего интеллектуального и духовного развития.

Речевое поведение ЭЯЛ отличается «очень осторожным и всегда целесообразным применением внелитературных средств» [Там же. С. 344], демонстрацией богатства словарного запаса, активным использованием разнообразной палитры речевых жанров, творческим подходом в использовании языковых фактов (лингвокреативностью), способностью к рефлексии относительно собственных / чужих речевых действий в рамках метакомментариев.

Т.В. Кочеткова полагает, что развитую ЯЛ характеризует «владение системой языка, его грамматическими и лексическими нормами; социальными нормами употребления речевых произведений на уровне сферы общения, темы, стиля, жанра; построением и восприятием сло

жных текстов; владением ролями говорящего и слушающего, социальными и психологическими ролями партнерства в общении; прагматическими законами общения в разных кооперативных и конфликтных коммуникативных эпизодах (для выхода из последних); этическими и этикетными нормами статусных и ролевых позиций» [3. С. 8].

И.А. Иванчук в качестве определяющего критерия принадлежности ЯЛ к элитарной речевой культуре рассматривает *риторическую компетентность* – совокупность знаний и умений в области коммуникативного поведения личности в различных условиях общения в целях его оптимизации, требующую реализации определенной степени культурного потенциала и творческих способностей [4].

Для элитарных носителей языка речевая коммуникация способствует реализации ключевой потребности в удовлетворении «взаимной нуждаемости людей друг в друге» (В.М. Бехтерев), хотя немаловажными при этом остаются и другие виды потребностей: самореализация, самоутверждение, контактоустановление, утоление информационного «голода», воздействие и пр. При этом демонстрируется владение *кооперативным* типом коммуникативной стратегии [Там же. С. 55], что позволяет квалифицировать данный тип ЯЛ как преимущественно интерактивный, неконфликтный, успешный и «удобный» в коммуникации с любым речевым партнером. Н.С. Болотнова видит в основе подобного коммуникативного поведения стремление к «гармонии понимания» и «эмоциональному созвучию», «способность контактировать», «силу таланта» [5].

Одним из наиболее важных вопросов видится разработка критериев отнесенности ЯЛ к высшему типу речевой культуры. И.А. Иванчук, например, выделяет следующие: 1) высокий уровень общей культуры, нравственных, этических принципов и норм общения; 2) принадлежность к гуманитарной сфере и к тем, для кого слово является инструментом повседневной практической деятельности; 3) привычка и опыт публичных выступлений; 4) следование ортологическим нормам русского литературного языка, т.е. владение речью «правильной» и «культурной» (В.В. Колесов) [4].

Исследование особенностей дискурсивного поведения ЭЯЛ, согласовывающей свою речевую деятельность с требованиями успешного, эффективного взаимодействия и рассматриваемой в этом плане в качестве образцовой, наиболее приближенной к реализации «идеала языка» (Г.О. Винокур) и «идеальной нормы» (Е.Н. Ширяев), является особенно актуальным и своевременным сегодня, в условиях абсолютной свободы слова, обуславливающей ситуацию потенциальной разрешенности инвективы и ее массового употребления в практике межличностной коммуникации. В современном обществе наблюдается тенденция к сокращению носителей элитарной речевой культуры и рост «реальных пользователей», развивается «чисто утилитарное потребление языка» (Г.А. Золотова). На этом фоне чрезвычайно востребованным и злободневным видится изучение модели эталонной («высокоразвитой», по Г.И. Богину) национальной ЯЛ в ее конкретных текстовых воплощениях в условиях дискурсов разных типов.

Речевую культуру общества во всей полноте проявлений и разнообразии типов, включая элитарную речевую разновидность как наиболее яркую, отражает *эпистолярный*, интерес к которому со стороны лингвистов заметно вырос в последнее время (см. работы А.А. Акишиной, Н.И. Белуновой, Н.Ю. Бусоргиной, Н.В. Глухих, Н.А. Ковалевой, Л.В. Нижниковой, Е.В. Поляковой, Н.В. Силаевой и др.). В русле нашей концепции данное понятие характеризуется строгой *дискурсивной* обусловленностью и определяется как совокупность текстов определенной жанрово-стилевой принадлежности, за которыми стоит одна и та же ЯЛ автора, рассматриваемых в единстве лингвистических и экстралингвистических факторов текстообразования [6. С. 4].

Эпистолярный рассматривается нами как дискурсивная единица, отличающаяся не только совокупностью тематических, композиционных и стилистических особенностей (согласно жанровой концепции М.М. Бахтина), но и целым комплексом культурно значимых особенностей. Письма являют собой тот «конвенциональный контекст» (Н.А. Ковалева), который в полной мере характеризует не только коммуникативные, когнитивные, лингвистические, но и социокультурные способности участников данной сферы коммуникации.

Проблема особенностей вербального поведения ЭЯЛ в пространстве эпистолярной коммуникации в современной исследовательской литературе представлена недостаточно.

Письма эталонных ЯЛ (ученых, писателей, театральных и публичных деятелей) не раз становились предметом разноаспектного анализа, однако речи об их авторах как представителях элитарной речевой культуры не шло, хотя это во многих случаях подразумевалось. Например, авторитетный в области изучения эпистолярного ученый Н.И. Белунова, анализируя в цикле статей специфику дружеского письма творческой интеллигенции XIX – начала XX веков, отмечает, что «творческая интеллигенция была носителем элитарной речевой культуры, что проявлялось прежде всего в особом языковом вкусе, в простоте и живости построения фразы, в явном самоконтроле речевого поведения. Именно в дружеских письмах, характерной чертой которых являются «раскованность», содержательная свобода, доверительно-дружеские отношения между коммуникантами, прежде всего раскрывается «секрет» использования языка, обнаруживается система речевых предпочтений» [7. С. 78].

На наш взгляд, ценность выделения и анализа ЭЯЛ, репрезентирующей себя на уровне вербального поведения в различных типах дискурсов, в том числе эпистолярном, состоит не столько в демонстрации и доказательстве индивидуальности и харизматичности этой ЯЛ, сколько в рассмотрении ее в качестве *модели* («комплексного метазнака», по В.А. Жеребкову), репрезентирующей исторически сложившуюся этноязыковую картину мира, речеповеденческий эталон и культурное самосознание нации. При этом ключевым свойством сознания ЭЯЛ является возможность воплощения в его рамках общекультурного потенциала нации в определенный срез исторического времени и одновременно его накопление в истории, а вследствие этого – анализ модели ЭЯЛ с позиций соответственно *синхронического* и *диахронического* анализа. Подобный подход предлагает В.И. Карасик, отмечающий, что современная наука сосредоточилась преимущественно на двух аспектах изучения ЯЛ: *статическом* и *динамическом*. Если первое направление занимается характеристикой уже сложившейся ЯЛ во всем ее многообразии, то второе сосредоточилось на исследовании ее становления, формирования [8].

Специфика нашего подхода определяется *дискурсивным* и *динамическим* аспектами, позволяющими изучить особенности коммуникативного, в том числе речевого, поведения модели ЭЯЛ в рамках ее эпистолярной деятельности, во-первых, с учетом широкого социально-политического, экономического и духовно-ментального контекста, во-вторых, на протяжении значительного промежутка времени (XX – начала XXI вв.). В этом отличие описанной нами модели ЯЛ от предложенных ранее концептуальных моделей ЯЛ, имеющих уровневую организацию, обладающих высокой степенью научного обобщения, однако статичных и не привязанных к определенному типу дискурса (Г.И. Богин, 1984; Ю.Н. Караулов, 1987; В.И. Карасик, 2002, и др.).

В качестве ЭЯЛ, осуществляющей коммуникативную деятельность посредством эпистолярных текстов, в первую очередь понимается адресант, представляющий определенный тип ЯЛ. Речь идет об авторах – представителях русской творческой интеллигенции XX – начала XXI вв., эпистолярные дискурсы которых отличаются многообразием тем, идей, богатством речевых, в том числе стилистических, средств. Наше внимание привлекли письма известных во всем мире личностей (всего порядка 5000 текстов, значительное количество которых объективирует результаты моделирования), чье творчество составляет национальное достояние и соотносится с определенным этапом в развитии отечественного эпистолярного искусства: художника М.В. Нестерова, оперного певца Ф.И. Шаляпина, ученого-естественника В.И. Вернадского, поэтессы М.И. Цветаевой (первая треть XX в.); литературоведа Ю.М. Лотмана, композитора Д.Д. Шостаковича, поэта, актера, барда В.С. Высоцкого, патриарха Алексея I (1940–1980-е годы XX в.); писателя-публициста В.П. Астафьева, ученых-филологов М.Л. Гаспарова и Д.С. Лихачева, актрисы А.С. Демидовой (конец XX – начало XXI вв.) [6]. Выбор ЯЛ обусловлен следующими факторами: 1) принадлежностью к элитарному типу национальной речевой культуры; 2) публичным статусом; 3) соответствием эпистолярного дискурса определенному этапу русского эпистолярного искусства, языка и общества; 4) неординарностью натуры, оригинальностью мышления, индивидуальностью стиля; 5) доступностью в печатном виде и верифицированностью печатных/электронных источников публикации эпистолярного наследия.

Отметим, что в половине случаев анализируются эпистолярные тексты авторов, профессионально не участвующих в литературном процессе и не работающих со словом. Однако огромный творческий потенциал, высокий уровень коммуникативной компетентности и обостренное чув-

ство языка авторов позволяют дать их письмам высокую оценку. Адресанты рассматриваемых писем манифестируют особенности коммуникативного поведения носителей языка элитарного типа. Учет принадлежности указанных авторов к разным видам деятельности и их разносторонних профессионально обусловленных взглядов и интересов, находящих отражение в текстовой деятельности авторов, позволяет создать модель ЭЯЛ в наиболее полном, универсальном виде.

Приступая к моделированию инварианта ЭЯЛ в рамках эпистолярного дискурса, необходимо оговорить два момента. Во-первых, речевое поведение ЭЯЛ в пространстве эпистолярной коммуникации, обусловленное особым типом языкового сознания и отношения к языку, отличается особой риторической организацией, установкой на эффективную коммуникацию, ориентацией на национальные традиции общения. Это проявляется в наличии у каждого автора *эпистолярного идиостиля* – индивидуально-авторских особенностей мировидения и текстовой деятельности, отраженных в эпистолярном тексте как форме коммуникации. Во-вторых, *образ адресанта*, согласно выделенным нами эпистолярным коммуникативным универсалиям [б. С. 13], является *персонифицированным*: его личностные характеристики, физическое самочувствие, психологическое состояние в значительной степени обуславливают особенности протекания эпистолярной коммуникации. Повествование, как правило, ведется от первого лица, что придает общению личностно ориентированный характер, а письма позволяют причислить к разряду «антропотекстов» (Н.Д. Голев). Дистанцированный характер эпистолярного взаимодействия также стимулирует потребность автора письма компенсировать отсутствие непосредственного общения информацией о себе «из первых рук». Отмечая данные моменты, акцентируем, что они допустимы, поскольку не вступают в явное противоречие с возможностью построения на основе анализа эпистолярно-дискурсивных проявлений конкретных ЭЯЛ инварианта в целях реализации исследовательских задач различного содержания и направленности.

В качестве основных *дискурсивных параметров* в процессе моделирования эпистолярной ЭЯЛ нами выделены: 1) статусно-ролевая характеристика адресанта; 2) направленность авторского целеполагания; 3) идейно-тематическое содержание писем; 4) тип эпистолярного текста; 5) тип адресата; 6) функционально-стилистические свойства эпистолярного дискурса; 7) особенности использования речевых, в том числе стилистических, а также графических средств.

Рассмотрим каждый из этих факторов, обуславливающих специфику конститутивных черт инварианта ЭЯЛ в рамках русского эпистолярного дискурса XX–XXI вв.

1. Тип адресанта – *представитель русской творческой интеллигенции* – составляет особую разновидность категории автора эпистолярного текста, имеющую национальную обусловленность. Это касается всех трех рассмотренных периодов развития эпистолярной прозы на протяжении XX – начала XXI вв. Формирование интеллигенции в России как особого социального слоя из лучших представителей дворянства и духовенства началось еще в феодальную эпоху. Согласно современным представлениям социологов, культурологов, философов, теософов (С.В. Волкова, А.В. Квакина, И.В. Кондакова, В.Ф. Кормера и др.), при определении понятия «русский интеллигент» актуализируются не объективные критерии принадлежности личности к данному страту (происхождение, образование, характер труда), а представления о ее морально-этической жизненной программе, включающей систему определенных нравственных ценностей, толерантность, трудолюбие, высокую степень личной ответственности, а также демонстрацию активной гражданской позиции и высокого уровня культуры.

Авторы рассматриваемого корпуса текстов – яркие представители русской интеллигенции – «духовно-социального явления» (Н.А. Бердяев) и исторического феномена одновременно: выступая носителями культурных ценностей и нравственных идеалов, они аккумулируют в своем сознании «культурноносную энергию народа» (Т.В. Кочеткова). Каждому из указанных авторов присущ оригинальный философский подход в восприятии мира, находящий отражение в эпистолярных текстах. Их письма – уникальная лаборатория творчества, рассматриваемая в контексте жизни, знакомство с которой представляет увлекательный и сложный процесс, поскольку «следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная» (А.С. Пушкин). Внимание к творческому дискурсу подобных личностей всегда оправдано и актуально, так как именно такие люди составляют золотой фонд нации, не позволяют человечеству «окончательно скатиться в пропасть» (В.П. Астафьев).

2. Анализ указанного корпуса писем продемонстрировал наличие в них *авторской целевой установки* синкретичного, информативно-оценочного характера. Адресанты устанавливают и поддерживают эпистолярное взаимодействие в целях передачи собеседникам информации (личной, профессионально ориентированной, научной, общественно значимой) и выражения в связи с этим собственной рефлексии. В большинстве случаев оценочная информация оказывается количественно и концептуально доминирующей. Данный факт отражает специфику эпистолярного типа коммуникации с характерным для него универсальным принципом открытости авторской позиции в рамках обязательной для эпистолярного текста стратегии самопрезентации.

Особую значимость также имеет фактор национально-исторической обусловленности эпистолярия. Насыщенность рассматриваемого периода в истории России многочисленными разноплановыми событиями не может не служить отправной точкой в рефлексивной деятельности воспринимающего сознания. По мнению ученых (Н.А. Бердяева, А.А. Бодалева, А.А. Леонтьева, Л.С. Выготского и др.), проявляемая коммуникантами рефлексивность сознания относится к особенностям национальной межличностной коммуникации. Взаимодействие людей, в том числе посредством писем, становится не просто процессом обмена информацией (ее передачей и восприятием), но одновременно созиданием некоей общности, которая может переживаться участниками в виде общего понимания ситуации, ее эмоционального притягивания/непритягивания и т. д.

Отметим, что в характере авторского целеполагания в рамках эпистолярного дискурса XX – начала XXI вв. прослеживается динамика. Установка на авторскую саморефлексию (оценку, направленную на себя как личность), характерная для писем первой трети XX века (ЭД М. Цветаевой, М. Нестерова), постепенно вытесняется в конце XX века установкой на социальную рефлексию (выражение общественно значимых оценок в эпистолярной публицистике Д. Лихачева и В. Астафьева). На наш взгляд, это связано со сменой мировоззренческой парадигмы в сознании представителей интеллигенции: переходом от демонстрации подчеркнуто индивидуалистических (эгоцентрических) позиций к осмыслению категорий массового сознания и массовой культуры и поиску точек соприкосновения с этими явлениями современной жизни. Вероятно, здесь сказалась также насаждаемая со стороны правящей партии на протяжении 70 лет идеология социального равенства и социальной справедливости.

Приведем примеры. Для М.В. Нестерова в высшей степени был свойствен *интроспективный* (посредством самонаблюдения, по Дж. Локку) подход в процессе передачи информации в письмах. Часто (особенно в позднем эпистолярии) автор прибегает к форме повествования от третьего лица. Подобный способ самоотстранения в целях более глубокого проникновения в свой духовный мир позволяет художнику передать своему адресату самую точную информацию о себе: «Однако **Нестеров** все же может быть назван тоже художником. Менее одаренный, чем В. Васнецов, **он**, быть может, пошел глубже в источник народной души, прилежно наблюдал жизнь и долгие, старательней учился, не надеясь на свой талант, как Васнецов, **он** бережней относился к своему и все время держался около природы, опираясь во всем на виденное, пережитое» [9. С. 215].

В русском эпистолярии 1900–1930-х гг. наблюдается тенденция к ослаблению некоторой значимости фактора адресатной направленности. На первый план выступает задача авторского познания собственного внутреннего мира. Например, для М. Цветаевой переписка – и вид общения, и способ самовыражения, поскольку зачастую она пишет «вне адресата», «в стол». По сути, все письма Цветаевой – один пространственный, чрезвычайно глубокий, предельно личностный, временами спонтанно возникающий, лиричный, рефлексивный диалог внутри авторского сознания.

Сторонник социальной справедливости и духовности культуры, академик Д.С. Лихачев всегда занимал активную гражданскую позицию, став в 1970–1990-х гг. одним из самых авторитетных общественных деятелей в мировом масштабе. Основную свою задачу как русского ученого-гуманитария, интеллигента Лихачев видел в привлечении внимания широкой общественности к проблеме сохранения культуры в нашем меняющемся мире, о чем неоднократно высказывался в письмах к разным корреспондентам: «Нам вовсе не нужно бояться так называемой элитарности, напротив, мы должны стремиться развивать массовую культуру на основе элитарных систем, на основе высокой интеллигентности» [10].

Таким образом, анализ характера авторского целеполагания в письмах представителей русской творческой интеллигенции позволяет утверждать, что инвариантной чертой в портрете модельной ЭЯЛ, репрезентированной в письмах конкретных авторов, является свойство *рефлексивности сознания*, проявляющейся как в образной, так и понятийно-логической форме. В рамках многих философских и психологических теорий рефлексия определяется в качестве наиболее существенного свойства сознания индивида. Динамика рефлексивной способности авторов рассматриваемых эпистолярных дискурсов свидетельствует об эволюции национально-го типа философа-мыслителя: от рефлексивного созерцателя начала XX в., погруженного в глубины интроспекции, до рефлексивного деятеля начала XXI в., чьи поведенческие характеристики основаны на доминировании в системе мировоззренческих и деятельностных установок интенций общественного характера.

3. Изучение *идейно-тематического содержания* эпистолярных дискурсов заявленных авторов позволяет очертить круг тех проблем, над которыми размышляли в своих письмах к разным адресатам русские творческие интеллигенты на протяжении XX–XXI вв., затем экстраполировать полученную информацию в сферу моделирования инварианта эпистолярной ЭЯЛ.

В рассматриваемых письмах обсуждаются волнующие коммуникантов темы: творчества, патриотизма, культурного развития нации и цивилизации в целом, нравственная и экзистенциальная проблематика, а также тема «будней», повседневности. Основным тематическим вектором является осмысление творческой личностью своего места и роли в социуме и мире сквозь призму исторических событий. Данная проблематика в процессе диахронического развертывания эпистолярного дискурса аспектируется в зависимости от событийно-исторического контекста. В эпистолярной 1900–1930-х гг. XX в. присутствует ощущение трагедийности, противоречивости личности и эпохи, открыто звучит тема *«трагического русского гения»* [9. С. 233]: «... в природе моей, как и у множества и множества русских людей, живет страсть плыть “против течения”, и, к сожалению, мне, как художнику, как свидетелю и наблюдателю явлений, бурно несущихся передо мною, больше бы пристало сидеть на берегу, занося спокойно, вдумчиво явления эти в свой альбом... А я, побуждаемый какой-то властью, но без достаточной силы, надрываюсь в борьбе с этим проклятым течением...» (из письма М.В. Нестерова) [Там же. С. 181–182]. В словах Шалапина звучит еще бóльшая грусть: «Я – человек загнанной, замученной страны, страны, которая, несмотря на трудную жизнь свою, создала великое искусство, нужное всему миру, понимаемое всеми людьми земли!.. много горячи в этой любви» [11. С. 187].

Середина века (победа во Второй мировой войне сыграла роль катализатора процессов в деятельности сознания мыслящих и рефлексизирующих русских людей) ознаменовалась созданием атмосферы относительной стабильности в жизни и ее отражением в эпистолярных творческих интеллигентов. Например, в послевоенных письмах Ю.М. Лотмана тартуского периода значительное место занимает освещение *«дел семейных»* [12. С. 292], сообщения о здоровье, жизненных планах детей, внуков: «*Наши будни: Гришка болен гриппом, а Алеша наелся стекла – гадаем: проглотил или нет? Весело*» [Там же. С. 175]. Звучащий в каждом письме оптимистичный, жизнеутверждающий пафос – это черта и конкретной личности, и в целом поколения, пережившего самую страшную войну в истории человечества и победившего в ней: «*Жизнь нас бьет в главное уязвимое место – отучает радоваться. Тогда мы и погибаем. Усталость вытесняет радость. А надо сопротивляться, бороться за радость и не забывать, как мы, неблагодарные, часто делаем, что радость вокруг нас*» [Там же. С. 396].

Духовный кризис 1990-х гг. – начала XXI в. явился мощным толчком для появления в письмах русских интеллигентов эсхатологических мотивов. Особенно выразительные примеры находим в эпистолярной писателя-публициста В.П. Астафьева. Огромной силы публицистический пафос звучит в высказываниях автора на тему *«смертельно больной»* [13. С. 603] России, *«мало кому понятного истинно русского мира»* [Там же. С. 830], когда Астафьев размышляет *«о России и обо всех нас, горьких жителях этой неприкаянной отчизны»* [Там же. С. 833]. Современное состояние жизни Астафьев характеризует как *«хаос, раздор, хамство, воровство»* [Там же. С. 655], *«расхватуху, мародерство»* [Там же. С. 736], отмечая, что *«в этой современности так тянет иной раз скорее сдохнуть, что и хорошая погода не помогает»* [Там

же. С. 681]. Однако, давая волю сарказму, писатель остается подлинным гуманистом, исполненным веры в собственный народ, частицей которого себя ощущает.

Таким образом, выдвигание в качестве ключевой темы осмысления творцом своей роли в социуме и мире в контексте исторической, экзистенциальной и эсхатологической проблематики можно считать одним из аспектов характеристики модельной ЭЯЛ, варианты репрезентации которой находят свое выражение в эпистолярных дискурсах конкретных представителей русской творческой интеллигенции XX – начала XXI вв.

4. Фактор *типологической характеристики* эпистолярного текста также в значительной степени определяет специфику инварианта ЭЯЛ в синхронии и диахронии. На протяжении всего рассматриваемого периода прослеживается устойчивая тенденция к преобладанию *частного письма*, обладающего широким спектром характеристик и полным соответствием эпистолярным коммуникативным универсалиям. Этим обусловлена востребованность данного типа текста в пространстве межличностной и социальной коммуникации.

Частное письмо позволяет коммуникантам вступать в неофициальную коммуникацию с присущими последней содержательной открытостью и свободой авторского самовыражения. Сфера личных (реже – общественных, с установкой на публичность) интересов в частном письме является доминирующей, позволяя определять данный тип текста как «интимный диалог» (Н.А. Ковалева): «*Общаться по-русски* значит приблизительно “разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта”. При этом разговор, составляющий содержание общения, не обязательно должен быть “о главном” – речь может идти и о пустяках; так как главное в общении – именно поддержание контакта, ощущение *общности*» [14. С. 280].

В свете сказанного считаем необходимым дополнить портрет эпистолярной модельной ЭЯЛ такой чертой, как *способность к интерактивному, регулярному, эффективному личностно ориентированному взаимодействию*.

5. Эпистолярная коммуникация – векторный тип межличностного взаимодействия, направленность которого на конкретного адресата текста очевидна. Проявляется это в первую очередь в присутствии такого обязательного структурно-композиционного элемента, как обращение автора к своему корреспонденту в пределах *циклов писем* – совокупности текстов, относящихся к переписке с определенным адресатом. Преобладающий *тип адресата* в контенте рассматриваемых писем – *частное лицо*, с которым автора связывают родственные или дружеские отношения. Анализ писем демонстрирует способность авторов осуществлять выбор коммуникативных тактик и стратегий, наиболее целесообразных и эффективных в конкретных ситуациях общения, переключать «коммуникативные регистры», успешно общаться с собеседниками, принадлежащими к различным психологическим типам и имеющими собственный взгляд на события. Адресанты проявляют в эпистолярном взаимодействии целый ряд качеств, свидетельствующих о высокой степени нравственности и гуманизма лучших представителей русской интеллигенции, соответствии их поведения этическим нормам: терпимость, доброту, благожелательность, скромность, такт, отсутствие эгоизма.

Например, эпистолярный В.С. Высоцкого демонстрирует авторскую установку на достижение гармонии в эпистолярной коммуникации. Ориентация на искренность и честность как основная поведенческая установка Высоцкого во всей полноте проявляется в пространстве эпистолярного взаимодействия. Этого же он требует и от своих корреспондентов: «*Васечек! Обиды – ну их на фиг! Не писал я тебе долго, это правда, но ведь и ты мне, если разобратся, – одно ругательное письмо, но и две телеграммы – извинительную и поздравительную... Не писали, значит, не писалось, а вот сейчас – пишется*» (из письма к И. Кохановскому) [15. С. 320].

Таким образом, дискурсивный параметр «ориентация на конкретного адресата» определяет присутствие в характеристике модельной ЭЯЛ, выделенной в рамках русского эпистолярного XX – начала XXI вв., такое свойство, как *высокий уровень коммуникативной компетентности*.

6. Чрезвычайно значимым для моделирования эпистолярного инварианта ЭЯЛ является фактор функционально-стилистических свойств дискурса, в рамках которого осуществляется ее текстовая деятельность. На основе предложенной нами концепции стилевой трансформации эпистолярного жанра [6] все рассмотренные эпистолярные дискурсы демонстрируют тенденцию к *стилевому синкретизму* в виде вариантной реализации жанрового канона в дискурсе оп-

ределенного автора. Стилиевой синкретизм эпистолярного жанра возникает на основе объединения в рамках одного дискурса нескольких стилистических составляющих. Одна из них – *разговорная* – имеет *генетическую и историческую обусловленность*, а потому определяется нами как *аутентичная, собственно эпистолярная*. Другие составляющие можно считать *дискурсивно производными, неаутентичными* (например: художественная, научная, официально-деловая, публицистическая, церковно-религиозная, рекламная, политическая и пр. составляющие). Появление последних связано с особенностями функционирования эпистолярных текстов в рамках несвойственных для них дискурсов и мотивировано комплексом экстралингвистических факторов.

В рамках рассмотренного исторического времени в числе синкретичных количественно преобладает *эпистолярно-литературный* тип (дискурсы М.В. Нестерова, Ф.И. Шалапина, М.И. Цветаевой, Ю.М. Лотмана, Д.Д. Шостаковича, В.С. Высоцкого, А.С. Демидовой). Выделены также *эпистолярно-научный* (дискурсы В.И. Вернадского и М.Л. Гаспарова) и *эпистолярно-деловой* (дискурс Алексия I) типы. Важно отметить, что к концу XX в. в стилиевой природе русского эпистолярного жанра наблюдается усиление черт синкретизма, что находит отражение в появлении таких сложных в стилиевом отношении типов, как *эпистолярно-литературно-публицистический* (дискурс В.П. Астафьева) и *эпистолярно-публицистически-деловой* (дискурс Д.С. Лихачева) (подробнее: [6]).

Сказанное позволяет говорить, с одной стороны, об обязательной дискурсивной обусловленности эпистолярного инварианта ЭЯЛ («привязкой» к определенному аутентичному типу дискурса – разговорному в письменном варианте его существования), с другой – об открытом характере этой дискурсивной соотнесенности. В связи с этим мы квалифицируем модель эпистолярной ЭЯЛ как *в относительной степени свободную в своих дискурсивных проявлениях*, а значит, сформированную, «зрелую», но находящуюся в постоянном развитии, совершенствовании в сторону усложнения своих свойств.

7. Эпистолярный представитель творческой интеллигенции демонстрирует высокий уровень владения *речевой культурой*. Тем более это становится очевидным на фоне сопоставления с широкомасштабной агрессией современной массовой культуры. Эпистолярный дискурс ЭЯЛ видится тем пространством межличностной вербальной коммуникации, которое оказывается средой «выживания интеллектуала в эпоху массовой культуры» (С. Корнев). С этой точки зрения очень показательны строки из книги Аллы Демидовой «Письма к Тому»: *«Часть писем нашлась, часть нет, но какая-то линия переписки с начала 90-х годов по 2005-й выстроилась. Потом мы перешли на нелюбимый мною Интернет, и обычные письма перестали существовать»* (выделено нами – А.К.) [16. С. 5–6].

В частности, речевое мастерство элитарных эпистолярных авторов проявляется в умении использовать в своих текстах средства речевой образности. Например, безусловной эстетической ценностью обладают письма М.И. Цветаевой. Чрезвычайно мощно в синкретичной стилиевой природе эпистолярного жанра заявляет о себе литературно-художественная составляющая. Лирическая форма выражения коммуникативных установок делает эпистолярное слово Цветаевой максимально выразительным, ассоциативным, образным. Большую роль в этом плане играет особое отношение автора к слову, тяготение к структурно-семантическим трансформациям узувальных элементов, создание развернутых слово-образов, умелое использование коммуникативного потенциала лексических единиц. Приведем примеры: *«... когда я сейчас ходила по пляжу, волна явно подлизывалась»* (индивидуально-авторская метафора) [17. С. 255], *«А потом – пустой лист – и наполненная пустота»* (оксюморон) [Там же. С. 565], *«Похороны Т.Ф. Скрябиной. И вот провожаю ее большие глаза в землю»* (синекдоха) [Там же. С. 224], *«Он сам – как дикий зверек, всех сторонится»* (сравнение) [Там же. С. 319], *«Вы говорите: женщина. Да, есть во мне и это. Мало – слабо – налетами – отражением – отображением»* (амплификация) [Там же. С. 616], *«И Вы от стиха до стиха умираете. (Оттого «последность» – каждого стиха!»* (оказиональная лексика) [Там же. С. 235], *«Ваша тайная страсть – протрапиться до нитки»* (трансформация фразеологизмов) [Там же. С. 233], *«Вы уже однажды так исчезли – на Девичьем Поле, на кладбище: изъяли себя из»* (переход слов из разряда служебных в самостоятельные части речи) [Там же. С. 231].

Добавим, что текстовая компетентность автора письма предполагает также способность эффективного использования графических (в том числе пунктуационных) средств, поскольку каждый эпистолярный текст имеет свой неповторимый индивидуальный графический образ, который первым попадает в поле зрения воспринимающего сознания. О важности графических единиц как определенных квантов смысла для самих авторов свидетельствуют авторские метакомментарии. Так, М. Цветаева пишет по этому поводу: «Теперь, внимательно – что изменилось? (И, опуская все:) Будущего нет? Но – – – **Больше этих трех тире не скажу**» [Там же. С. 615].

Итак, важной составляющей модельной ЭЯЛ, созданной на основе анализа эпистолярных представителей русской интеллигенции, выступает их риторическое мастерство, выражающееся в оправданном и эффективном использовании стилистических ресурсов языка, графических единиц.

Таким образом, на материале переписки с разными адресатами лучших представителей русской творческой интеллигенции была предпринята попытка моделирования инварианта ЭЯЛ в аспекте его дискурсивных особенностей с учетом динамики в рамках значительного временного периода – XX–XXI вв. На основе определенных дискурсивных параметров названы черты модельной ЭЯЛ, которые репрезентируются в эпистолярной деятельности конкретных авторов: рефлексивность сознания, высокий уровень коммуникативной компетентности и риторического мастерства, свобода дискурсивных проявлений. Ключевой статусной характеристикой данного инварианта выступает принадлежность к кругу отечественной творческой интеллигенции, размышляющей в пространстве личностно ориентированного эпистолярного взаимодействия о роли творца в обществе и истории.

Перспективы исследования связаны с укрупнением объекта исследования посредством обращения к моделированию эпистолярной ЯЛ, дальнейшим углублением представления о ее различных типах с точки зрения жанрового, стилистического и дискурсивного компонентов в синхронии и диахронии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики: Проблемы культуры речи. – Вып. 25. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1993. – С. 151–160.
2. Сиротинина О.Б. Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта [и др.], 2003. – С. 343–347.
3. Кочеткова Т.В. Языковая личность в лекционном тексте: моногр. – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1998. – 216 с.
4. Иванчук И.А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: моногр. – СПб.: СЗАГС; Саратов: Научная книга, 2005. – 431 с.
5. Болотнова Н.С. Гармонизация общения и лексическая структура художественного текста: лекция. – СПб.: Образование, 1992. – 17 с.
6. Курьянович А.В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX–XXI вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 2013. – 40 с.
7. Белунова Н.И. Категория речевого общения и особенности ее реализации в тексте дружеского письма (на материале писем творческой интеллигенции конца 19 – начала 20 веков): Научные доклады высшей школы // Филологические науки. – 1998. – № 2. – С. 78–88.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: моногр. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
9. Нестеров М.В. Из писем. – Л.: Искусство, Ленинградское отделение, 1968. – 452 с.
10. Лихачев Д.С. Письма 1986–1998 годов // Наше наследие: историко-культурный журнал. – URL: <http://www.nasledie-rus.ru> (дата обращения: 12.06.2014).
11. Шаляпин Ф.И. Сборник материалов: в 2 т. / ред.-сост. и автор коммент. Е.А. Грошева. – Т. 1. Литературное наследство. Письма. И. Шаляпина. Воспоминания об отце. – М.: Искусство, 1960. – 768 с.
12. Лотман Ю.М. Письма: 1940–1993 / сост., подгот. текста, вступит. ст., коммент. Б.Ф. Егорова. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 800 с.
13. Астафьев В.П. Нет мне ответа...: эпистолярный дневник. – М.: Эксмо, 2012. – 896 с.

14. Зализняк А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Заметки о словах общение, отношение, просьба, чувства, эмоции // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 280–288.
15. Высоцкий В.С. Собрание сочинений в 4 т. / ред. Т. Тимакова. – Т. 4. Проза. – М.: Время, 2011. – 400 с.
16. Демидова А. Письма к Тому. – М.: АСТ: Зебра Е, Полиграфиздат, 2010. – 396 с.
17. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. – Т. 6. Письма. – М.: Эллис Лак, 1995. – 800 с.

Поступила 01.07.2014 г.